

М.С. Горбачев: «К Женевской встрече мы подходили с реалистических позиций, не рассчитывая на крупные договоренности, надеялись заложить предпосылки для серьезного диалога. Было немаловажно, чтобы руководители сверхдержав “присмотрелись” друг к другу, поделились взглядами на сегодняшний мир и роль своих стран, подумали, что можно предпринять для ослабления враждебности и налаживания сотрудничества. Как мне стало известно позднее, американцы хотели определиться, насколько права госпожа Тэтчер, расхваливавшая Горбачева, тот ли он человек, “с которым можно иметь дело”. Думаю, это главное, что их интересовало. Вполне понятная задача для первой встречи.

Согласно установившейся в течение десятилетий практике, перед поездкой были разработаны, обсуждены и утверждены на Политбюро директивы для Генерального секретаря ЦК КПСС. Готовились они при моем непосредственном участии МИДом, Международным отделом ЦК и КГБ. Директивы, как известно, бывают разные. Когда речь идет о политическом диалоге, это только изложение позиций, которые следует довести до партнера, и поручение прояснить его оценки по обсуждаемым вопросам. Когда же речь идет о переговорах по конкретным вопросам, директивы содержат обязательные установки – что мы предлагаем и на что готовы пойти. Хочу сказать об этом, поскольку высказывалось и высказывается немало поверхностных, некомпетентных суждений, включая домыслы, якобы Генсек решал все единолично, шел на неоправданные уступки и т. д.

Наряду с основной позицией заготавливались запасные, которые можно было использовать в крайнем случае, идя на оправданный компромисс. Если согласие не достигалось, вопрос откладывался, считалось, что он должен быть подвергнут дополнительному анализу той и другой стороной. Проиллюстрирую это на примере особенно острой темы, в отношении которой больше всего спекуляций, – о сокращении ядерных и обычных вооружений.

Проработка начиналась с подготовки предложений соответствующими ведомствами. За МИДом первые годы, как правило, сохранялась роль

координатора на подготовительном этапе. Позже жизнь потребовала создания при Политбюро специальной комиссии, в обязанности которой входило координировать подготовку после представления ведомствами первоначальных проектов директив или итоговых документов. Комиссия многократно заседала, заслушивая мнения МИД, Министерства обороны, научных институтов, Госплана, Комиссии ВПК, крупных специалистов и экспертов, включая академиков, искала рациональное решение неизбежно возникавших между ними разногласий. О наиболее важных выводах и спорных проблемах докладывалось Генсеку, позже Президенту СССР. Делали это обычно Зайков и Шеварднадзе, иногда с участием Язова или Ахромеева, Чебрикова или Крючкова. Такие обсуждения еще до представления на Политбюро носили регулярный характер.

После неоднократных согласований и моих указаний останавливались на каком-то варианте. Он докладывался Политбюро, но при этом излагались и другие мнения – то есть члены высшего руководства ставились в известность о дискуссии, имели возможность ознакомиться с альтернативными точками зрения.

Комиссию Политбюро долго возглавлял Зайков. В вопросах вооружений есть две стороны: военное предназначение данного оружия и его производство. С тем и другим Лев Николаевич был основательно знаком. С его опытом работы в военно-промышленной сфере и знанием техники Зайкова было трудно «провести на мякине». Причем качества квалифицированного эксперта сочетались у него со склонностью улаживать споры и добиваться гармонизации вносимых предложений. Он мог страсти остудить, погасить конфликт между ведомствами, уберечь от непродуманных шагов МИД в сугубо специальных вопросах. И вместе с тем – “поднажать” на Министерство обороны, вскрыть консерватизм, узковедомственную позицию военно-промышленного комплекса.

Кстати, Министерство обороны, хорошо зная, как трудно стране выдерживать гонку вооружений, за все годы моей деятельности в Москве ни

разу не внесло предложений по сокращению вооруженных сил и производства оружия.

Представители Министерства обороны при проработке крупных разоруженческих инициатив часто выводили из себя темпераментного кавказца Шеварднадзе. Иногда он приходил ко мне и заявлял: “Больше с ними не могу!”. Я его успокаивал, подключал Зайкова, а когда понимал, что дело далеко зашло в их спорах, подключался сам. Приглашал Шеварднадзе вместе с министром обороны Соколовым, позже с Язовым и Ахромеевым, Язовым и Моисеевым. Садись, детально во всем разбирались.

Конечно, формирование основ политики в принципиальных вопросах, определение позиций, отвечающих интересам государства и реальностям международного положения, являлось прерогативой Политбюро, Генсека. Так что работа была коллективной и весьма основательной. У нас в портфеле было припасено немало идей и конкретных предложений, благодаря чему с первой встречи с Президентом США начался поиск подхода к самой насущной тогда проблеме ядерного разоружения».